

The background of the cover is a dark, starry night sky with a faint Milky Way visible. In the foreground, the dark silhouette of tall grass is visible against a lighter, hazy horizon. A large, semi-transparent green circle is positioned on the left side, containing the main title text.

Письма

из апокалипсиса

2.0

Татьяна Белова

Татьяна Белова

Письма из апокалипсиса 2.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70226476

SelfPub; 2024

Аннотация

Над озером Байкал неведомое и непознанное открывает дверь. Людям дарованы врата, но куда они ведут? Планета заражена аномалиями, чужая флора и фауна разрушает города. Мир в панике. Вопрос уйти или остаться, ломает жизни. Кто-то возлагает надежды на колонизацию Марса, другие продолжают спасать землю. Для сохранения земного биома в пустыне Гоби строят огромный ботанический сад. Именно там, учёные со всего мира, проводят эксперимент по созданию уникальной среды для сосуществования земных и неземных форм жизни. Возможно, эта та самая, последняя надежда для человечества, как вдруг внутри стерильной, запечатанной станции учёные начинают убивать друг друга.

Содержание

1	4
2	10
3	22
4	39
5	58
6	68

Татьяна Белова

Письма из апокалипсиса 2.0

1

Слышала уже вчерашний выпуск "Писем"? Что думаешь? Я, Игорь, кстати, знаешь, мы могли бы...

Привет, сегодня профессор Керимов уходит, уже слышала? Пройдёмся вместе до аудитории?

Игорь смотрел на Элизу. Она улыбалась, то и дело поглаживала рыжие кудри, пытаясь заправить непослушные пряди за ухо. У нее были очень тонкие запястья и веснушки на локтях, сегодня на ней была белая блузка, черная юбка до колен и туфли на невысоком каблуке.

Игорь попытался и не смог представить массивный скафандр на её миниатюрной фигуре.

Только и слышу – чужие прилетели истребить человечество, это из-за них землю поразили аномалии. А я думаю, всё как раз наоборот, они прилетели нас спасти и потому открыли червоточину. Учёные говорят, что она ведёт в другую солнечную систему, где есть пригодная для жизни

планета. Там есть вода, Элли! Вода, понимаешь? Это тебе не какая-нибудь бессмысленная миссия на Марс! Нас ждёт новый мир! Просто подумай, что тебя держит здесь? Холмики на земле? Мать всегда говорила, что своих мертвых мы носим с собой. А еще я уверен, они хотели бы, чтобы мы спаслись. Вот, даже профессор Керимов так думает, не зря же уходит!

Элиза встала, мечтательно улыбаясь каким-то своим мыслям, и начала складывать учебники в сумку.

Игорь смотрел, но подойти не решался.

Слишком высокий, он стеснялся своего роста и сутулился. За последние несколько лет ухудшилось зрение и он вынужден был носить очки. Врачи сказали, что он, возможно, даже ослепнет если не вмешаться. Предлагали операцию. Игорь родился уже после прилёта, в эпоху аномалии и мог рассчитывать на квоту, надо было собрать документы, но мама отказалась. Сказала, что вмешиваться в человеческую природу и изменять её, безбожно. Игорь не спорил. Кого волнует плохое зрение в мире, где перестали рождаться дети? Где каждый день умирали сотни тысяч людей? Мать считала, что это – кара божья и люди её заслужили.

Игорь не верил в бога и не верил в Марс. Да и сами учёные относились к плану колонизации красной планеты скептически. Технологии, конечно, шагнули вперёд, но не настолько как требовала полноценная колония на Марсе. Ни о ка-

ком терраформирования речь не шла. Их уровень – кротовые норы, спрятаться поглубже, укрыться от радиации и построить станцию с полным замкнутым циклом для жилой зоны, дальше – гидропонные фермы и первые скудные урожаи, но главное, золотые боксы, способные поглощать углекислый газ из атмосферы и вырабатывать кислород. Но чтобы спасти человечество этого мало.

Профессор Керимов говорил, что Марс – плацебо, и оно необходимо человечеству. Пока люди верят, они будут работать ради будущих поколений. И это всё, что они могли оставить после себя.

Но сам профессор утратил веру и потому решил уйти. Он объявил об этом на прошлой неделе, когда заявку на переход уже одобрили, учёных всегда пропускали вне очереди.

С тех пор как прилетела сфера и открылась червоточина, через неё прошли уже тысяч людей, но еще никто не вернулся. И ни один зонд так и не передал информацию с той стороны.

Все знали, что это билет в один конец, но люди готовы были рискнуть, на ту сторону уходили целыми семьями.

Были и такие, кто одобрения не получил. Некоторые из них пытались незаконно пересечь границу А-сферной зоны и попадались в лапы роботов-гончих, кого-то даже успевали вытащить и вывезли, но большая часть гибла. Стоило поцарапаться или уколиться и чужеродная флора захватывала тело изнутри. Выживали единицы, если их успевали доставить

в научный городок.

Сферград вырос стихийно, из маленького военного посёлка он за несколько лет превратился в огромный город, научный центр, куда съезжались ученые со всего мира. Получив работу внутри аномального периметра, можно было подать заявку на семейный переход или на список, из которого собирались исследовательские группы.

Элиза собрала свои вещи и пошла к выходу.

Игорь стоял как истукан и смотрел ей вслед. Осознание того, что вот сейчас она выйдет в эти двери и он больше никогда её не увидит обдало волной жара и Игорь побежал. Он еще успеет, догонит её на лестнице и позовёт на прощальную вечеринку в профессору Керимову. Тот уходил с помпой, устраивал аукцион, чтобы раздать вещи, и проставлялся.

Не добежав до двери метров сто, Игорь споткнулся и упал, когда падал, смахнул сумкой стул, что стоял вверх ногами на столе, и тот рухнул на него. Игорь больно клюнул носом в пол и застонал. Упал неудачно, разбил очки, и теперь почти ничего не видел. Текли секунды, он лежал и слушал стук каблуков по ступеням лестницы, шаги удалялись. Хлопнула дверь.

Игорь сбросил стул и перекатился на спину.

Из носа обильно текла кровь и Игорь в ужасе вспомнил, как умер Карл Викторович, биолог, что читал им лекцию в

прошлом году. Он порезался о лист бумаги, пошёл в туалет, а там потерял сознание и истёк кровью. Никто даже понять ничего успел. Спецы сказали – кровь перестала сворачиваться.

Кто-то склонился над Игорем, помог встать, приложил к носу платок.

Кто-то, но не Элли.

– Эй, сынок, ты как? – это был Давид, старик – уборщик со своей тележкой, университетский призрак, от него громко пахло чистящими средствами и табаком. Давид испугался, что оставил воду на полу и теперь его выкинут отсюда, потому что Игорь нажалуется.

Игорь снял разбитые очки и покрутил в руках. И где ему теперь взять денег, чтобы заказать новые линзы?

– Ты точно цел? – спросил Давид и от его взволнованного голоса Игоря затошнило.

– Да в порядке я, пойду, все нормально. Извините.

Дверь маячила впереди темным пятном и Игорь шёл к ней, как канатоходец, балансируя над пропастью.

– Твои вещи, сынок! – закричал Давид ему вслед, но Игорь не оглянулся. Книги ему больше не нужны. Он толкнул дверь и спустился по лестнице, придерживаясь за стену, второй рукой он прижимал платок к носу. Мир разбился на множество осколков. Мир треснул везде, где только мог и трещины обнажили истину. После смерти матери он остался один, ему больше некого спасти с этой загнанной планеты, кроме себя.

Он вышел во двор университетской библиотеки и оглянулся на массивное здание, с портика, под самой крышей на него смотрели плачущие ангелы с отбитыми крыльями и мысленно он пообещал им, что полетит.

2

– Игорь! Давыдов! Ты на седьмой? – кричал Остин по-русски. – Забери почту для Варгаса!

Механик бежал к нему от дальней стены ангара, где уже вторые сутки возился с вертушкой – вешал новое оборудование. За последний год австрал, как его называли за глаза, стал говорить по-русски очень хорошо и даже смеялся над их с Белебеем шутками. Остин Ньювер приехал в Сферград из солнечной Австралии, единственного места, которое без всяких шуток звалось Эдемом. За последние пять лет ни одной зафиксированной смерти от аномалии. И теперь все пытались попасть на неприветливый, засушливый континент, защищаясь от беженцев, тот оброс высоченными стенами. Парочка знакомых Игорю техников всерьёз рассматривала вариант продать почку или другой ненужный орган, а этот, загорелый любитель серфинга, взял и уехал.

Остин, наконец, добежал и протянул ему конверт. Игорь все еще не понимал, потому спросил:

– А что с дронами не так?

– Лабораторию закрыли, ты не слышал?

Вот так сходил на обед!

Игорь ткнул в ушной имп, запуская сканирование, но в эфире было тихо.

– Нашу лабораторию? – уточнил на всякий случай Игорь.

– Нашу, – ответил Остин. – Похоже, привезли новые образцы.

Игорь пожал плечами и вошёл в лифт.

Аномалии не подкрадывались бесшумно, они всегда оставляли громкий след.

На седьмом и правда творилось что-то странное, по коридорам бегали военные, тянули от лифта гермокишку, на выходе из которой устанавливали новую, дезинфицирующую камеру с карантинным боксом. У седьмого этажа был всего лишь третий уровень защиты, до сегодняшнего дня не было и намёка на полную изоляцию. Игоря остановил патруль с белыми нашивками биобригады, ребята из бабы яги, взяли у него кровь, проверили допуск ипустили.

Олег Белебеев ждал его у лестницы на платформу, где располагалась лаборатория. Над шлюзом горела красная лампа.

– Ты куда запропастился? – спросил Белебей. – Тебе что, на обед первое, второе, третье компот подавали?

– Уже и пожрать спокойно нельзя, – пожал плечами Игорь. Приём пищи стал теперь делом интимным, приходилось использовать стерильные, изолированные помещения. – Что случилось то? Теперь не пропустят? У меня тут для Варгаса почта.

Белебей с интересом глянул на конверт и Игорь добавил:

– Лично в руки.

– Какой-то таинственный образец привезли, группа Кардышева. Чтобы его доставить, они насквозь третью зону про-

шли, говорят, там снова люди живут, представляешь?

– А как же зачистка?

– Так это когда было, уже восемь лет прошло.

– И ты про образец ничего?

– Ничего, но Варгас сморщенный ходит, будто лимона наелся. Ты, кстати, свою дозу уже получил? Семеновна бегала тут, расписывала преимущества натуральных лимонов перед таблетками и концентратом. Они теперь фрукты и овощи выращивают по новой, беспочвенной технологии, говорят, безопасность стопроцентная!

Игорь поморщился, он терпеть не мог кислятину, но врачи настаивали и все из-за вспышки цинги на минус шестом. Скорее всего, какой-то сбой оборудования по витаминизации.

Игорь почувствовал резь в глаза. Давно надо было линзы снять. Дома он не был уже больше суток, но в лаборатории держал запасной комплект на такие случаи.

– Пойдём пока на Новый Вавилон глянем, а то чё тут делать, то? понадобится позовут!

Новым Вавилоном называли башню вокруг прозрачной сферы. Башня, как кольца змеи закручивались по спирали, а в центре за толстыми стенами из защитных сплавов пряталась точка перехода. Снаружи, можно было видеть только герметичный шлюз.

В смотровой, как всегда, былолюдно и накурено, ни одна табличка “no-smoking” не помогала. Иногда справлялся воз-

духоочиститель, но это когда он не был сломан. Окон на передовой не было, вместо стёкол в рамы были вставлены отражающие графеновые линзы, еще тоньше, чем на его сетчатке. Вид снаружи был спроецирован на сплошной экран, картинка отставала от реальности на доли секунды. По ту сторону экрана привычно светило солнце и мир казался обычным. Перед ними лежало озеро Байкал, самое чистое и самое прекрасное. Игорь работал здесь уже десять лет, но до сих пор не мог налюбоваться. Лимнологи, экологи, биологи приезжали со всего мира, изучать нетронутый аномалиями биом озера. Отсутствие аномалий было тоже своего рода аномалией.

А еще озеро было последним, что видели уходящие.

Двенадцать лет назад он приехал сюда, как и многие, чтобы уйти. Напросился вместе с профессором Керимовым, буквально жил под его дверью трое суток, пока тот, наконец, не сдался и не согласился. Они приехали в сентябре, мокро и грязно, целыми днями шёл дождь, дороги развезло и последнюю часть маршрута их пересадили на барана, военный вездеход, который, как и многое другое изначально создавался для Марса, но потом был переделан под аномалии. Сферград оказался в самом их сердце. Тогда-то Игорь впервые и увидел, как живут люди, которые спасают мир. Мир разваливался, но они продолжали подбирать его куски и сращивать. Выбрали не бежать, а бороться. Спасать веру и надежду, так же как это делали космонавты, астронавты и тайконавы на Марсе.

И также умирали ради этого.

Заявку на переход Игорь тогда, конечно, отправил, сразу же как получил свою первую работу, случилось это месяцев через восемь после того, как через червоточину ушёл профессор Керимов. Но пока ждал, успел передумать, потому когда через полтора года получил отказ, то не расстроился. Игорь к тому моменту уже сменил три места работы в посёлке и из кожи вон лез, чтобы попасть внутрь Аномального периметра. Для этого ему даже пришлось съездить обратно домой и добить таки свой диплом. После этого он вернулся и теперь уже мог претендовать на более престижную работу. Специализации в научных направлениях у него не было, но доктор Варгас принял во внимание мнение профессора Керимова, который написал Игорю рекомендательное письмо, написал он его в надежде что тот передумает уходить. И вот двенадцать лет спустя, Игорь стоял и смотрел, как очередная группа из трёх человек, нагруженная оборудованием, под тяжёлыми рюкзаками идёт к шлюзу для перехода.

Напротив башни, как маяк на берегу, стояла самая высокая в мире надгробная плита – стела, по ней все выше и выше забирались имена уходящих в небытие. Когда-нибудь, после того, как человечество исчезнет с лица земли, те, кто выживут на Марсе или по ту сторону червоточины, возможно прилетят и найдут её здесь. Память в камне.

– Давыдов, Белебеев, – раздался голос, но не из динамика, а от двери. Игорь оглянулся, но не узнал говорящего, на

лаборанте белый защитный комб. – К Варгасу.

– Я же говорил, что позовут, – улыбнулся Белебей.

– А что с сигналом? – Игорь постучал пальцами по напульснику. Экран молчал.

– Связь тоже перекрыли, режим радиомолчания, – пожал плечами Белебей.

А вот это уже было интересно.

Если Игорь ничего не путал, то Варгаса звали Камиль, но по имени его никто и никогда не называл, осталась только буква “К” в ведомости. Иерархия в их команде сложилась странная, но все знали что последнее слово за учёными и никто не спорил.

Профессор Варгас и один из его бесчисленной армии лаборантов, они менялись так часто, что Игорь их не запоминал, ждали на лестнице. Дорога в лабораторию была явно для них закрыта, но никто не объяснял из-за чего и как надолго. Все происходило так быстро, что Игорь растерялся. Привычный распорядок дня был нарушен и он то и дело поглядывал на напарника, но Белебей лишь пожимал плечами. Он привык выполнять приказы.

– Оба на Угол, вас там машина заберёт, сначала на технический, вас оденут, потом на причал, полетите с метеорологами.

– Вот, же каналья! Гелионосцы! – обрадовался Белебей.

– Рано радуешься, Олежик, – без улыбки ответил Варгас. –

Хреновое дельце, но все подробности на месте. Вас сопровождают.

Из смотрового как раз вышел Кардышев, а следом и его тень, Вика Эрлиц. Игорь даже присвистнул от восторга. Чего он только не наслушался об этих двоих.

Бригады быстрого реагирования были под завязку набиты нездоровыми на голову адреналинщиками, к таким аномальный отбор был беспощаден, но Кардышев и Эрлиц были из другого теста – фанатики дисциплины и научных методов.

– Значит домой заскочить не успею, – вслух сказал Игорь и ткнул Белебея в бок. Тот пялился на Вику и его не замечал. – Я в бокс сбегая, глаза сменить, встретимся на Углу. Доктор, не уходите, у меня письма!

Но доктор Варгас уже исчез за дверью и за почтой вернулся его лаборант.

Они не сказали друг другу ни слова и разошлись

В этих стенах на всех распространялась одна суеверная традиция – перед уходом не прощаться.

За все десять лет, что Игорь изучал аномалии, снаружи он был каких-то раз восемь, получается, меньше чем раз в год. Суммарно набралось бы пару суток всего, так что его репутация по шкале бригадных ходоков была на нуле. Как и все практики, на теоретиков они смотрели свысока, но молчали, потому как по регламенту меряться аномалиями не полагалось. Кардышев был молод – чуть за сорок, рыжий и куд-

рявый. В до прилётном мире он был пилотом гражданской авиации, а его подружка, Эрлиц – стюардессой. В первый час, когда раскрылась Сфера, многие самолеты попадали с неба, но Коля Кардыш свой посадил, в чёртовом поле, каким-то яростным чудом. И даже смог вывести людей к цивилизации, после того, как стало понятно, что связи нет, а вокруг творится какая-то необъяснимая хрень. Кардышева спасла дисциплина и все это время, вот уже почти тринадцать лет, продолжала спасать.

Дирижабль висел над вертолётной площадкой, пустырь, залитый бетоном и ограждённый забором, лучше всего подходил для вертикального взлёта и посадки. Где-то далеко виднелась диспетчерская башня заброшенного аэродрома, но она давно не использовалась, вместо стёкол заплатки из жести, опоры заросли лианами, несвойственными местному климату, Игорь приблизил картинку, но красных меток не увидел, да и сетку не натянули, значит, прорасти то проросло, но для человека неопасно.

В гондолу они поднимались молча. Белебей больше не пылился на Вику, а смотрел под ноги. Он стал собран и серьёзен. Защитный костюм, что им выдали на техническом, был громоздкий и тяжёлый, а еще кажется, неисправный, плохо регулировал температуру и Игорь в нём невыносимо потел. Ребята, которые выдавали эти, гондоны, иначе не назовешь, сказали, надо потерпеть, в дирижабле их ждали нормаль-

ные скафы – конечно же, контрабандные. Несмотря на хорошее финансирование лабораторий, на выходах часто сэкономили, ведь защитную амуницию после возвращения чаще всего приходилось сжигать.

На борту их встретил робот с двумя руками и туловищем на колёсах, мигая цветными лампочками, проводил их в бокс, где они, пытая от натуги, сменили один скафандр на другой. Игорь все еще не понимал почему выбрана такая странная, защитная схема. Многоуровневая.

– Николай Михалыч, – сказал Белебей и промокнул красное лицо платочком. – Просвети нас. Сдохнем аль как? Я там не был, дай бог памяти, уже где-то с двушечку, а тут вдруг!

– Будет для вас спец инструктаж, Олег Валерьевич, – ответил Кардышев. Капитан был жилист, подтянут, лицо и руки загорелые, а ниже шеи белый весь. Роста невысокого, как и Белебей, но для Игоря с его почти двушечкой, все здесь были невысокие. Для него всегда трудно было подобрать защиту, может потому он так редко выезжал на место, но в этот раз кто-то поспособствовал – новый скаф сел как влитой. Значит, знали кого берут.

– Кто нас выбрал? – спросил Игорь и временно убрал шлем на затылок.

– Варгас, – ответил Кардышев. – Это же очевидно.

– Новое что-то?

– Малец, ты бы не торопился, я всё расскажу, когда заберём вторую группу с поверхности, а пока прилаживай к себе

своего нового друга и учись в нём двигаться, и чем плавнее, тем лучше.

– А высота какая? – снова спросил Игорь – Сбрасывать же будут?

На этот раз Кардышев не ответил, хлопнул себя по плечам и, вспыхнув ультрафиолетом, как новогодняя ёлка, вышел из бокса.

– Нашли что-то новое, – сказал Игорь, повернувшись к Белебею. – Они не хотят чтобы мы это запачкали.

– Будь с нашим капитаном повежливее, – ответил ему Белебей, который отродясь ни с кем вежливым не был. – Он нас еще домой вернуть должен.

Лицом Олег был кругл и одутловат, он не делился с Игорем своими проблемами, но тот уже давно догадывался, что напарник чем-то болен, с расспросами он не лез, но беспокоился. Напарниками они были последние два года, а до этого, как слышал Игорь, Белебеев был там, в космосе, то есть. Почти восемь месяцев на новой международной космической станции, где готовили будущих марсиан. До красной планеты Олег так и не долетел, его развернули и уронили обратно на землю. Теперь Белебей ходил по ней, как истинно падший и никого не боялся, ни бога, ни дьявола. Много пил, шутил и собирался умереть, конечно же героически, а потому его ремарка по поводу капитана казалась Игорю брехней.

Гондола изнутри напоминала салон самолета, только окно странное – одно сплошное и узкое, как лента, оно опоя-

сывало салон по периметру. Игорь был уверен, что это не окно, а экран. Их теперь ставили везде, чтобы защитить от проникновения чужеродной пылицы. А еще шлюзы, рамки автоматической дезинфекция, скафандры и баллоны с запасами кислорода. Все, кто хотел побывать на другой планете, могли это сделать, просто выйдя на улицу.

– Мальчики, тут самообслуживание, – Виктория помахала бутылкой с водой перед носом Игоря. – Холодильник напротив туалета. Там ещё сэндвичи есть.

Новая группа прибыла только через сорок пять минут. Игорь успел поесть и выспаться, разбудил его звук двигателя снаружи. Он открыл глаза и увидел как подъезжает машина, старая, раздолбанная буханка. Из неё вышли двое. Один высокий, в длинном пальто, капюшон толстовки закрывал лицо, а следом за ним мелкий пацан, в ушах у него болтались модные сейчас наушники – черви. Они светились и извивались, напоминая обитателей океанского дна. Игорь проводил новоприбывших взглядом и попытался прикинуть, сколько лет малому? По спине побежали холодные струйки пота. Малышей он еще никогда не видел, да и нормальных детей, впрочем, тоже. За последние тринадцать лет их и родилось то всего пара тысяч и большая часть не выжила.

Как только вторая группа поднялась на борт, дирижабль начал отстыковку и набор высоты.

– Дерьмо, – сказал Белебеев, ему было жарко и он тёр и

без того красную шею под горловиной. Внутри костюма была специальная мембрана, она плотно прилегала к коже, чтобы внутрь не попали семена или пыльца. – Да я сварюсь с этой штуковине. Нельзя было их позже нацепить.

– Привыкай, – ответил Кардышев. – Ближайшие двое суток ты из него не вылезешь.

За прозрачной дверцей в салон показались двое новоприбывших и капитан по внутренней связи передал общий сигнал – надеть шлем. Игорь в полном замешательстве нажал кнопку за правым ухом, и только теперь по внутреннему каналу услышал свист и шепот – голос аномалии.

3

Динамик шептал всё громче и в ушах разливался белый шум. Показатели магнитосферы сходили с ума, будто на солнце очередная буря, а полюс прямо у Игоря на макушке. Пока Игорь пялился на шкалу излучения, дверь в салон открылась.

Игорь заёрзал, как на сковородке, сердце зашумело в ушах, судя по монитору, он стал тратить в два раза больше кислорода.

– Здравствуйте, – сказал Кардышев и встал из кресла навстречу гостям. Фигура в черном пальто скинула капюшон, но руки капитану не протянула. Чтобы не вскочить. Игорь схватился руками за подлокотники кресла.

Перед ним стоял симбионт, женщина, лет пятидесяти. Волосы у неё были длинные и она собрала их в хвост на затылке, на бритом правом виске Игорь видел татуировку и точку контакта за ухом. Никаких явных физических отклонений на первый взгляд у неё не было, обычный человек, ямочки на загорелых щеках, морщины в уголках глаз.

– Жаль, что снова встречаемся при таких обстоятельствах, – улыбнулся Кардышев. – Как добрались?

Женщина улыбнулась в ответ, как показалось Игорю, вполне искренне.

– Без происшествий, капитан, спасибо.

Она окинула взглядом салон и на долю секунды остановила взгляд на Игоре, он похоже, выглядел испуганным, потому как она улыбнулась ему персонально, как показалось Игорю, немного снисходительно.

– Всем здравствуйте, меня зовут Савчук Ирина Сергеевна, я врач и вы можете не тратить запах кислорода, он вам еще пригодится. Защита не нужна. Никакой опасности нет.

– Вот уж благодать, – первым опустил шлем Белебей. – Я уж думал всё, супчик мне! Не хотелось бы так, хотелось бы с пользой. Меня Олег зовут, но все по привычке Белебеем кличут и вы не стесняйтесь.

– Не буду, – улыбнулась ему Ирина Сергеевна. – А это мой сын, Крис. Давай-ка дружок, проходи вперёд. У вас тут найдётся что перекусить?

– Да-да, – вскочила с места Вика. – Сейчас организуем, а вы располагайтесь!

Похоже Эрлиц испугалась не меньше, чем Игорь, хотя уж бригадные чего только не повидали на своем поле быстрого реагирования. А тут всего лишь *Мальши*. Игорь про них в книжках читал. Дети, что родились и выжили после аномалии, находились под защитой и наблюдением учёных. Их было мало и не все они становились научной сенсацией, исключительных были единицы, их то и называли *мальшиами*, по книжной памяти.

В научных кругах не прижилось, а вот в народе к языкам прикипело.

Этому *мальшу* на вид лет десять-двенадцать, для своего возраста он очень высокий и худой, по нему бы анатомию изучать – так явственно кости торчали.

И имя у него какое-то странное, почему врач Ирина Сергеевна Савчук назвала сына Крис? Может у него отец не русский?

– Отца как тебя звали – Игорь, – вдруг сказал мальчик. – Он тоже был учёным.

– Крис, мы же договаривались, – одёрнула сына Ирина Сергеевна. – Слушай лучше свои подкасты. Извините, он редко общается с людьми и не всегда чувствует границы.

Сын и мать прошли в конец салона, а Белебей глянул на Игоря и сказал:

– Вот тебе и защита личной информации.

Игорь занервничал еще больше, от мысли что кто-то вот так легко залез к нему в голову, руки похолодели и внутренности сжались. Он боялся думать о чем-либо, но разве можно совсем ни о чем не думать? Кажется он где-то читал, что многие люди мыслят только образами и лишены внутреннего навязчивого голоса, который как в случае с Игорем, никогда не замолкал. Из-за этого у него были постоянные проблемы со сном, иногда он всерьёз опасался, что сходит с ума. Он как-то в частном порядке даже сходил к психиатру, точнее к *специальному медицинскому боту*, но тот ничего не выявил.

– Набираем высоту, потерпите еще немного, через полчаса будет официальный инструктаж, – громко сообщил Кар-

дышев со своего места. А потом добавил уже тише, специально для Игоря: – Мы с Ириной Сергеевной уже работали вместе пару лет назад, она хороший специалист и как вы понимаете, лично заинтересована. Она один из немногих независимых, полевых агентов, она делает очень сложную и важную работу.

– Так они что же, – Игорь тоже понизил голос и наклонился ближе к креслу Кардышева. – Из зоны пришли? И никто их не проверил? А как же все эти занудные тесты на профпригодность?

Сложная аномальная обстановка, высокий уровень стресса, находясь на чужой территории, которая когда-то была им домом, люди не выдерживали, крышечка у многих пыхтела и подпрыгивала, а у некоторых и вовсе отлетала со свистом. А уж если ты один из уникальных симбионтов... Хотя многие считали, что они то как раз более устойчивы. Про физически, Игорь бы согласился, а вот психологически... Как она живёт, осознавая себя частью одновременно старого и нового мира? И что будет дальше? Ведь её трансформация продолжалась, как и трансформация планеты.

– Так, все, хватит, – Кардышев встал из кресла. – Если никто не против, я начну инструктаж раньше.

Капитан нажал кнопку на широкой гибридной манжете своего рукава и на экране за его спиной появилась картинка. Сооружение походило на станцию, одну из тех, что строились для моделирования космического полета. Многие из

них до сих пор принадлежат ИМБП, институту медико-биологический проблем, но теперь использовались как бункеры для изучения аномалий.

После того как китайцы построили настоящую станцию на Луне, большая часть исследований для космоса проходит там или на МКС-2.

Мир все больше раскалывался на две части, одни ученые занимались только колонизацией Марса и всем, что для этого нужно, другие сосредоточились на изучении аномальной флоры и фауны на земле. Люди не теряли надежды, что смогут найти способ сосуществовать с чужим миром и симбионты давали человечеству надежду на будущее. Их подробно изучали, с их помощью люди много узнали о том, что творится внутри *аномалии*, о её развитии и связях. Больше всего это напоминало мицелий у грибницы. Земля медленно, но верно уступала под натиском *чужого биома*, а тот с вою очередь, продвигался, разрушали человеческие города и создавая на их месте свои. Но это все еще была жизнь, а потому оставалась и надежда, что люди найдут способ сосуществования с её иной формой.

Рядом со станцией находился огромный купол, на фотографиях со спутника он был плохо различим в зарослях гигантских корней. Если верить схеме, большая часть этого сооружения пряталась глубоко под землёй.

– Станция эта была специально построена для эксперимента с полным замкнутым биологическим циклом, но со-

орудили её не для космоса, а с целью создания среды для симбиоза земных и неземных форм жизни. Ученые попытались создать уникальный почвенный слой, и, судя по отчётам, что-то там у них получилось.

Картинка сменилась на запись, запись вёл дрон, летающий по кругу внутри огромной оранжереи. Среди невероятного многообразия растений с синей, фиолетовой, красной и зелёной листвой ходил человек с ножницами и без скафандра. Это было настолько невероятно, что Игорь подался вперед. Неужели у них получилось?

– Это профессор Джонсон, вместе с ним на станции работает Юлия Макарова, про неё вы скорее всего слышали, она была одним из первых ботаников, высказавших идею о чужих, как о беженцах. Она уверена, что они, как и мы, отправились в космос в поисках другой планеты для нового дома и наша земля им подошла. Макарова считает, что это не насильственный захват, а своего рода терраформирование, они в прямом смысле готовят почву для того, чтобы переселиться.

– А если их среда *нам* не подходит, то какое уж тут ненасильственное? И почему тогда они нас игнорируют? Мы для них что, как микробы? – спросил Белебей.

– Скорее это они для нас как мицелий, – ответ ему Игорь. – Вот ты бы стал договариваться с грибами?

Кардышев поднял руку, призывая к тишине и продолжил:

– Три дня назад мы потеряли связь со станцией, спутни-

ки не обнаружили внешних повреждений, но внутри умерли все камеры и единственную запись мы получили с личного аккаунта Макаровой. Узнали мы следующее – люди подверглись заражению неизвестным патогеном.

Видео снова сменилось картинкой.

Чьё-то растерзанное тело лежало посреди парника с помидорами.

– Действующая аномалия внутри не зафиксирована. Никакого фона или отклонений, но люди потеряли рассудок и начали убивать друг друга.

– Нечто из лаборатории, – хохотнул Белебей. – Привет Карпентеру!

– Сколько выживших? – спросила Ирина Сергеева. – Симптоматика есть?

Кардышев не ответил и запустил новое видео.

Картинка дёргалась, но Игорь распознал знакомое лицо по ту сторону.

Юля была бледна и истощена, короткие русые волосы спутались. Она всегда хотела иметь шикарную шевелюру и с завистью смотрела на других женщин, которым повезло. Игорь шутил, что под шевелюрой тоже что-то должно быть, желательно сильнодействующее. Но Юля его шуток не понимала и не любила, она вообще никакого не любила, кроме растений. В чужое же и аномальное Юля влюбилась с первого взгляда, и ни один человек не мог с этим конкурировать.

– Это не аномалия, слышите! Не смейте нарушать целост-

ность станции! Вы слышите меня? Я потратила пять лет на этот эксперимент! Пришлите кого-нибудь, кто понимает разницу. Давыдов, если ты меня слышишь, убеди их! Они ничего не понимают! Это станция, возможно, наша единственная надежда! Если вскрылся какой-то неучтенный фактор симбиоза, то мы разберёмся, главное – не нарушайте целостность. И нет, я не сошла с ума, я просто пытаюсь сохранить результаты нашей работы! Я и мои коллеги, готовы умереть, если это хоть на шаг приблизит нас к пониманию...

Видео оборвалось, а Юлия, к сожалению Игоря, так и не сказала им ничего по-настоящему важного, и никак не приблизила к разгадке.

– Она там и она все еще жива, – подвела итог доктор.

– Видео мы получились двенадцать часов назад, – покачал головой Кардышев. – Так что мы можем только надеяться.

– Она готова умереть ради своего эксперимента, – сказал Белебей. – Не хилый такой материнский инстинкт.

– Прости, ты сказал что-то про женскую вагину? – вскинула голову Эрлиц.

– Эээ нет, подруга, я никого не хотел обидеть, но такая жертвенность..

– Заткнись лучше, дружок, – зашипела на него Эрлиц. – Она пытается спасти планету, с которой ты хотел просто свалить.

– Вернёмся к нашему заданию, – вмешался Кардышев и посмотрел на Игоря, тому стало неловко. – Мы должны по-

пасть на станцию и разобраться, что там случилось. Командование даёт нам на это 48 часов, после чего, если мы не справимся, станция будет вскрыта. Всё ясно? Кто-то хочет отказаться?

– А можно? – удивился Игорь.

– Выпрыгнешь и домой пешком пойдёшь, – рассмеялся Белебей. – Только чтобы не встречаться с бывшей...

– Можно, – сказал капитан. – После нашей высадки, метеорологи, они разместились на верхних двух этажах, оправятся за полярный круг, на станцию Восток, тот, кто не прыгнет, отправится с ними.

Белебей захлопал в ладоши:

– Давыдов, да это прям для тебя! Ты же хотел попасть на другую планету!

– И не я один, – ответил Игорь. – Буду в хорошей компании. А если серьёзно, то освоение антарктиды не такой уж плохой вариант, более реалистичный, чем колония на Марсе.

– Ну это пока, – улыбнулся ему Белебей. – Пока *беженцы* Макаровой до льдов не добрались.

– Спрашиваю один раз, – повысил голос Кардышев и Белебей замолк. – Желаящие отказаться есть?

Все молчали и только гондола дирижабля чуть поскрипывала.

О том, что они на месте, Игорю подсказала панорама за окном. Он запустил режим визуальной памяти и камера

вспыхнула зелёным ободком на сетчатке. Теперь он сможет отправлять данные на сервер в режиме реального времени, на всякий случай. За четыре часа полёта Игорь успел выспаться и даже устать от безделья, но теперь они прибыли и он был полон желания действовать.

За окном разливался аномальный оазис, неровные края красно-буро-зелёной заплатки посреди песчаного полотна. Кое-где просматривались возвышенности, но чужеродная жизнь забралась и туда, толстыми, бурыми корнями она пробивала себе путь наверх, создавая причудливые узоры, будто стежки на камне. Когда-то эта была пустыня Гоби. То, что станцию построили именно здесь, Игоря не удивило, ходили слухи, давно уже, что первый всплеск аномальной активности зафиксировали именно здесь. Появлению сферы предшествовал странный метеоритный дождь, и все, что не сгорело в атмосфере, упало именно в пустыню Гоби. До этого момента Игорь относился к таким рассказам скептически, но теперь сомнений не осталось.

Сколько еще всего правительство и военные скрывают от людей? Искажение и подлог статистических данных о масштабах бедствия, всего лишь цветочки. Вышестоящие инстанции всегда оправдывались тем, что надо любой ценой избежать паники, но информацию в современном мире не утаить, она просачивалась из-за всех щелей. Не зря столько поколений бились над свободой слова. Проблема в том, как отличить истину от теорий заговора, найти доказанные нау-

кой факты среди тонн шлака и мусора, даже ему, человеку, работающему на передовой, было трудно. Вот, как пример, эта станция и творящийся на ней эксперимент. Ученым удалось хорошо спрятать все концы, про новую среду для создания симбиотический звязей с чужой флорой Игорь даже не слышал.

– Мы на месте, – сказал Кардышев. – Готовимся к высадке.

Дирижабль начал снижаться и Игорь вспомнил свой крайний раз, когда он не выпрыгнул, а выпал из самолета от пинка инструктора и по спине побежали мурашки. Сафьянов, инструктор его группы, был человеком сложным и нетерпеливым, потому наверное, так быстро сгинул. Подробностей Игорь не знал, да и не хотел знать. Сейчас, все что ему было нужно, это собраться и вспомнить последовательность действий. С этими мыслями он встал из кресла и спустился вслед за Белебеем на нижний, грузовой. Там его ждал сюрприз, на крюках висели всего три комплекта снаряжения.

– Экономия, чего ты хотел, – хлопнул его по плечу Белебей. – Прыгаем в связке, не бойсь, я тебя не потеряю.

– Мы пойдем первыми, – сказала Ирина Сергеевна и начала упаковываться. Она явно не новичок, её действия были уверены и точны. – Я присмотрела площадку, подсветим вам периметр. Перед прыжком сверьте часы и поставьте таймеры. И никакой самодеятельности, все только по приборам. Первое, что сделает ваш мозг – обманет вас, имейте это в виду.

Когда они выпрыгнули из люка, Игорь почувствовал всплеск адреналина и зажмурился, а когда открыл глаза, земля уже со огромной скоростью неслась ему навстречу. В голове были одни инструкции, Игорь сосредоточился на том, чему его учили, сделал глубокий вдох, подогнул ноги и почувствовал удар. Белебей сделал два коротких шага и они упали. Игорь быстро отстегнулся, поднялся на ноги и перевёл систему в режим сканирования и анализа. Белебей махнул ему, мол, двигайся, не стой, но Игорь не торопился. Первое чему их учили – осмотреться вокруг, сориентироваться и только потом покинуть локацию. Поверхность вокруг была ровная и Игорь перемещался быстро. Его цель – красный огонёк маячка, цель не двигалась. В поле, на экране, он видел три зелёные точки – три скафандра. Симбионта и малыша сканер распознать не смог и Игорь запустил инфракрасный поиск, в надежде найти их по температуре. Они ведь живые, значит должны излучать тепло. Нашёл он их, у самой станции, на краю обозначенного периметра. Шум от аномалий усилился, теперь Игорь видел их на графике.

– Давыдов, слышишь меня? – зашумел в эфире голос Кардышева. – Визуальный контакт есть? Двигай по дуге, в обход дырки от бублика.

– Слышу, – ответил Игорь и отклонился влево. – Визуальный контакт подтверждаю.

Дырка от бублика – так называемая мёртвая зона. Учёные

предполагали что что-то внутри неё отражает большую часть волн, но что именно, так никто и не выяснил.

Большую часть информации Игорю давали сенсоры, потому что если глазом смотреть, то ничего особенно вокруг не было. Его окружали высокие, похожие на секвойи, деревья, только будто перевернутые вверх тормашками, вместо кроны ветвились гигантские корни и загибались как арки. Если проводить параллели, а Игорь такое любил, то выглядели они, как солнечные протуберанцы. Причудливые внешние формы и интенсивное излучение. Будто кто солнце под землю закопал. В остальном новая флора не выглядела чужеродной. Вот внизу, в тенёчке, травка, да цветочки, как любил напевать Варгас. И правда ведь, всё цвело, полыхало всеми красками жизни, чужие превратили пустыню в цветущий сад и это было невероятно.

– Давыдов, поторапливайся давай, – недовольный голос Кардышева. – Чего застрял?

– Да не шипи, – ироничный голос Белебея, тот был уже на месте. – Дай пацану полюбоваться, мы ж последние два года из боксов не вылезали. Да и не приучен он с такой тяжестью на плечах быстро двигаться.

Игорь, наконец дошёл и увидел всех троих, стояли вокруг маячка, как вокруг костра, чуть ли за руки не держались.

Красный свет мигал и на лица их, за стеклом, тень отбрасывал. Игоря не покидало ощущение будто они очень далеко друг от друга, может быть даже на разных планетах.

Эх, вот бы сейчас у костра погреться, да в озере искупаться, да еще шашлычка навернуть!

– Входим через шлюз, идём по двое, из виду друг друга не теряем, все поняли? – скомандовал голос Кардышева. Белебей и Эрлиц дважды мигнули в ответ светодиодами на шлеме, привычка не тратить воздух, а Игорь по своей привычке, кивнул головой.

У входа в шлюз их ждали доктор и её Малыш. Оба выглядели расслабленно, сидели, прислонившись к огромному дереву, в объёме человек двадцать поместится, а крона-корень, как питон, обмотала смотровую башенку, но не раздавила её, а словно бы облокотилась. И огромную антенну не повредила, пропустила сквозь аккуратный стежок и замерла, налившись шишечкой, из шишки уже жгутики торчали, значит собиралась плодоносить.

Игорь запустил программу визуального сканирования и пока она грузилась, огляделся. Сколько видов, которые еще только предстоит каталогизировать! Сколько предстоит работы! Ему представилась уникальная возможность, как для тестирования, так и для расширения визуального каталога. Ведь самое главное для обучения – данные.

Нет, самое главное найти Юлю живой.

Всего этого бы не было, если бы не она, Юля долго была двигателем его прогресса. Хотелось ему её впечатлить. Ничего особенного он не изобрёл, простая программа визуаль-

ного распознавания чужеродного биома, уникальность была лишь в том, что к ней прилагалась обширная база данных, которую без Юли Игорь бы никогда не собрал, а значит и грант бы не получил. И не был бы сейчас здесь.

Программа выдала промежуточный отчет и Игорь нахмурился, большая часть того, что видел вокруг сканер, относилось к земным видам. Неужели они уже так далеко продвинулись в создании своей чудо-почвы? Обычно в аномальных зонах чужая флора полностью истребляла земную, меня всё, к чему прикасалась.

– Ты тоже это видишь, да? – спросила Ирина Сергеевна и встала – Прямо ботанический сад какой-то.

Игорь не сразу понял, что она обращается к нему, а когда понял, то обернулся. Доктор была достаточно высокой и они могли смотреть друг другу в лицо.

– Странная подборка, большая часть инвазивные виды, но все земные. Кто-то постарался, чтобы привезти их сюда.

– Кто-то постарался, чтобы они здесь прижились, – ответила доктор.

– Вы это о чем, ребята? – вклинился в разговор Белебей. Эрлиц, Кардышев и Белебей стояли поодаль и слов доктора не расслышали.

– Помнишь, я рассказывал тебе про борщевик? – ответил напарнику Игорь. – Вот эти заросли справа, то, что выглядит как первобытный лес, он и есть. Высота метра четыре примерно. Высокий, аномальный паразит!

– А что в борщевике аномального? – спросила Эрлиц.

– Кроме того, что он вырос в тени Нго?– вместо Игоря ответила Ирина Сергеевна, и только тогда он понял, что она каким-то образом слышит их внутренние переговоры. – Капитан, если вы не против, разделимся и пойдём по трое и вашего ботаника я с собой заберу.

Пока Кардышев молчал, Игорь лихорадочно думал, а хочет ли он идти с этой парочкой? Но потом понял, что вряд ли у него есть право голоса, да и любопытно ведь, как не посмотри, пока эти двое самое интересное что с ним случилось за последние лет десять и это в мире, где, куда не плюнь – аномалия.

Ну и еще у него была Юля, конечно.

– Принято, – ответил капитан. – Все помнят, что у нас 48 часов с того момента, как мы войдем? На ваших дисплеях запустится обратный отсчет. Цель номер один – найти выживших, отправляю список учёных, находившихся на станции в момент происшествия. Их всего пятеро. Все готовы? Тогда заходим.

Кардышев наклонился и ввел код, открывающий внешнюю дверь, потом нажал на ручку, все это он делал медленно, будто они находились в космосе и у него не было опоры. Все с нетерпением ждали, когда дверь откроется, все, кроме Малыша. Тот продолжал сидеть и ни на что не реагировать.

Странный он какой-то. Как не ребёнок. Ничего ему не интересно, смотрит в одну точку, а в ушах наушники висят.

Дверь открылась, шлюз внутри оказался цел и герметичен. Молчали, но чувствовалось коллективное облегчение.

Доктор посмотрела в спину Кардышева и тот обернулся, будто почувствовал.

– Чище некуда, – сказала доктор, ответив на невысказанный вопрос. – Можете идти вперёд.

– Начинаю думать, – сказал Белебей. – Что Макарова то, дело говорила, нет тут аномалии. Ну кроме этих, снаружи.

– И что же заставило тебя так подумать? – спросила Эрлиц. – Ну давай, скажи – интуиция? И что тогда внутри село людей с ума?

– Никаких теорий и догадок, – прервал их Кардышев. – Нам нужны факты.

В шлюз входили друг за другом, двигались все так же медленно и осторожно, как в космосе. Страх, подумал Игорь, вот что заставляет их медлить. Неизвестность.

Они шли, будто по минному полю, каждый шаг здесь, мог стать последним.

Последним в шлюз вошёл малыш. Ирина Сергеевна закрыла за ним дверь и через минуту включилась автоматическая система воздушной очистки. Слушая шум воздуха, Игорь закрыл глаза, а открыл лишь когда услышал, как автоматически открылся внутренний шлюз.

На выходе из ждал длинный, безликий коридор и куча противопожарных датчиков на потолке. Освещение – аварийное. Чтобы охватить большую площадь, разумно было разделиться и, договорившись о месте встречи, они разошлись в разные стороны. Кардышев, Эрлиц и Белебей пошли направо, Игорь вместе с Ириной Сергеевной и Малышом – налево. Первым шёл мальчик, следом за ним Игорь, а замыкала цепочку доктор. Ему было приказано слушаться её беспрекословно, что он и делал. Пока.

Первые несколько метров им не встретилось ни одного побега или листочка, вокруг один пластик и металл. И ни намёка на аномалии. Игорь вывел на внутренний дисплей трёхмерную схему и принялся изучать станцию. Больше всего это напоминало воронку или карьер, будто когда-то здесь добывали уголь, а после просто спрятали раскоп под куполом. Под очень большим куполом. Сверху он казался просто холмиком из стекла и металла, а вниз уходили аж четырнадцать этажей, будто изначально строили бункер. Или же, что-то упало с неба и пробило дыру. Игорю подумалось, что это больше похоже на правду. Отрезок коридора был всего лишь предбанником и заканчивался дверью, за которой начинался первый, самый верхний ярус оранжереи. Впервые

Мальш вытащил наушники и наклонил голову, он слушал. Потом покачал головой и запихнул их обратно. Доктор обошла Игоря и первой вошла в оранжерею. Свет, который падал на них сверху, должен был быть светом от тысяч ламп, но вместо него был лишь тусклый, аварийный. Игорь поднял голову и попытался рассмотреть есть ли солнце на небе, но даже если бы сейчас был белый день, свет не пробился бы сквозь шапки чужих деревьев и арки корней. Живой щит чужого леса был менее зависим от света звезды, видимо световая интенсивность на их планете отличалась. Игорь посмотрел на убегающие цифры таймера, потом на показания приборов, атмосфера была пригодна для дыхания, несмотря на высокую влажность и температуру, он мог бы снять шлем и спокойно дышать местным воздухом.

– Доктор, вам не жарко? – спросил Игорь доктора. На ней было тяжелое пальто, под которым пряталась толстовка, штаны цвета хаки и высокие ботинки.

– Не переживай за меня, лучше по сторонам смотри, тут говорят, агрессивная форма жизни водится.

Игорь понял её шутку не сразу. За то время, что они с Юлей жили вместе, он почти разучился шутить. Боялся её обидеть каким-то неудачным словом или сравнением.

– Показатели атмосферы в норме, – сказал Игорь, пытаясь отвлечь свой мозг, – на этом ярусе.

– А чего бы ей быть не в норме, – ответила Ирина Сергеевна. – Экосистема то земная вполне, дождевые, тропиче-

ские леса, с десятков видов папоротников, не страшнее чем в ботсаду.

А уже через десяток шагов, доктор замерла и подняла руку. Дорогу им перегородило растерзанное тело. То, что когда-то было человеком, сейчас стало месивом и мерзко пахнущей лужей. Внутренности валялись повсюду. А еще вокруг были кровавые следы. Кого-то убили, а потом съели. Тут даже малыш отшатнулся, да не просто выдернул свои заточки, а даже убрал их в чехол, а тот в карман. Головой он водил странно, будто шея у него затекла, рот открыл, широко очень, даже челюсть вперёд выдвинулась, выглядело это будто у него болезнь какая-то неврологическая. Игоря блевать потянуло еще сильнее и он отвернулся.

– Возможно, тут обитает кто-то из падальщиков, – сказала доктор. – Игорь, отсканируй следы для сравнения!

Но Игорь уже сам сообразил и справившись с тошнотой, ловил кровавый след в треугольник визора.

– Нет ничего, – сказал Игорь, когда система выдала ему красный крест.

– А тело опознать по днк сможем?

Игорю пришлось заставить себя подойти ближе к трупу и взять образец.

– Саманта Керриган, 38 лет, ботаник-генетик.

– Вычеркни её из списка, чтобы все видели и идём дальше.

Четверо осталось.

Игорь был почти уверен, что никого не осталось, но про-

молчал. Цеплялся за надежду, что Юля жива и спряталась где-то. Станция большая, а их всего пятеро.

– Пятеро, – вслух сказал Игорь. – Что-то для такой огромной станции маловато, вам не кажется?

– Тоже об этом подумала, – ответила ему доктор и оглянулась на Малыша. Тот остановился и смотрел на пальму. – Спроси у неё, не знает ли она, что тут случилось, – сказала доктор сыну, тот кивнул и рот его опять широко раскрылся. Он будто скалился. И тут умные датчики на скафандре Игоря отметили звуковые колебания, вибрация шла в диапазоне недоступной человеческому уху.

– Он с ними разговаривает? – спросил Игорь, доктор не ответила, а лишь приложила палец к губам.

Малыш покачал головой и развёл руками, всем видом демонстрируя, что ответа не получил.

– Ладно, идём дальше, – скомандовала доктор. – Надо найти систему полива и включать освещение. Автоматика же вряд ли могла выйти из строя сама?

– Тук-тук, космонавт, ты так как? – раздался голос Белебея. – Получили твою весточку. У нас пока без происшествий.

– Тук-тук, я в норме, климат-система не попадалась? Тут что-то с подачей воды, деревья жалуются.

– Вот прям так и жалуются? – рассмеялся напарник.

– Увидите, не проходите мимо.

– Наша первостепенная задача, – зашипел вдалеке голос

Кардышева. – Найти людей.

– Задача ясна, капитан, – ответил Игорь.

– У нас тут лифт, мы двигаем вниз, не пропадай, и с деревьями не разговаривай, – сказал Белебей и отключился.

А Игорь вдруг оказался рад, что доктор решила взять его с собой. Эти двое начинали ему нравится, по пустякам не нервничают, с деревьями вот разговаривают, чувствуют себя как дома, да и аномалию если что, за версту учуют. Уж теперь то Игорь не сомневался – малыш на чужой волне.

– Выживание местной экосистемы их не волнует, так? – спросила доктор, хотя точно слышала их разговор. Игорь молча шёл дальше, но доктор не оставила эту тему:

– А ты что думаешь? Польём цветочки?

– Как вы скажете, так я и сделаю, – ответил Игорь.

И тут Малыш резко свернул и вломился в заросли папоротника, в самую гущу тропического леса, туда, где не были проложены тропинки. На лице доктор не появилось ни следа волнения, она просто остановилась и стала ждать. Её маугли, умеющий разговаривать с деревьями, достаточно быстро вернулся и подойдя к Игорю, потянул его за собой.

– Крис, он же тебя не понимает, объясни словами, – сказала доктор. Крис отмахнулся от неё, но сказал вслух:

– За мной, ты им нужен.

И Игорь пошёл.

Малыш привёл его к люку, точнее к выходу на технический этаж, как он его нашёл под слоем почвы, Игорь не пред-

ставлял, и не просто нашёл, а еще и открыл. Если он способен говорить с деревьями, то может и с электричеством тоже может взаимодействовать?

– Ирина Сергеевна, – сказал Игорь по утренней связи, уверенный что доктор его услышит. – Я тут не пролезу в скафандре, но могу дрона-ремонтника запустить.

– Запускай, он все равно не отстанет, – крикнула ему в ответ доктор.

Игорь достал многоцелевого робота-многоножку из маленького кармашка на груди, активировал и запустил внутрь технического коридора. Тот немного подергался, загорелся ярче и стал передавать данные, в том числе картинку. Бежал он быстро, а вот думал медленно, потому, как обычно, вместо него это делал оператор. Систему полива они нашли быстро и Игорь запустил диагностику, когда та ответила, стало понятно что кто-то пытался отключить жизнеобеспечение станции, но у него не вышло.

– Что там? – раздался голос доктора, будто прямо в голове у Игоря

– Система ушла в спячку, сейчас запущу снова.

– Знаешь почему?

– Не вижу код ошибки, на первый взгляд просто кто-то дал команду.

– Кто-то из тех, кто имел доступ? У нас есть данные по персоналу?

– Обычно такими сложными системами руководит ком-

пьютер, у пары человек должен быть высший приоритет доступа, но вряд ли у всех. Мне бы найти терминал, с которого они входили в систему. По схеме она девятом ярусе, как и главная лаборатория.

– Тогда заканчивай здесь и идём туда, – сказала доктор, внутри его головы. А когда обратилась к сыну, то голос её был уже снаружи:

– Все хорошо, Крис, будет им вода, успокойся!

Игорь откуда-то знал, что мальчик в этот момент, взмахнул руками как крыльями и улыбнулся. Совсем как нормальный ребёнок.

Система восстановилась быстро, в лифт они заходили уже под шум дождя. Малыш улыбался, а мать смотрела на него и было в её взгляде что-то безнадежное. Глубокое как горе. Игорь задумался, как она воспринимает своего сына? Выносила его, родила, внешне он обычный ребёнок, но внутри...

На отметке девятого яруса лифт остановился и двери открылись, и прежде чем доктор успела что-то сказать, Малыш выбежал и вломился в заросли. Прямо от дверей начался слой почвы, на котором росли папоротники и много, очень много борщевика. Борщевик, к ужасу Игоря, был метров шесть в высоту, его зонтики закрывали собой тот малый свет, что давало аварийное освещение.

Ирина Сергеевна, которую Игорь еще минуту назад почти жалел, вдруг открыла рот и беззвучно закричала, так же как

её сын, когда разговаривал с деревьями. От её крика зеленая стена перед ними разошлась, словно воды красного моря перед Моисеем. Скошенные невидимой звуковой волной, стебли легли по обе стороны от Малыша. Тот резко обернулся на мать и оскалился. Разговор между ними должен был быть громким, но Игорь ничего не слышал, кроме странных щелчков в эфире.

Взаимный поток резко оборвался, Малыш запрыгал на месте, как мячик, а потом вдруг исчез. Провалился сквозь землю. Да, именно так – провалился сквозь землю. Игорь видел это своими глазами, земля распахнулась и дыра, похожая на пасть, проглотила Малыша. Доктор прыгнула с места почти на два метра, но не успела.

Технический люк, замаскированный по дерн, захлопнулся прямо у неё перед носом.

Игорь же застыл столбом и не знал, что делать. Он все еще был в лифте и боялся выйти из него.

– Вызывай команду, – спокойным голосом сказала Ирина Сергеевна. – Мы явно нашли кого-то живого.

Она поставила ногу на люк и постучала по нему каблуком сапога, потом наклонилась и принялась.

– Человеческая кровь, – сказала доктор и повернулась к нему. – Игорь, – голос её стал очень тихим. – Игорь, сколько тебе лет?

– Что? – не понял он. – Тридцать два в этом году, а что?

– Торт какой любишь? Бискит или вафельный?

Игорь тряхнул головой, что за бред она несёт? Причем тут торт? Её сын только что провалился сквозь землю... Или его утащили люди... Живые люди, те, кто работал на этой станции, но из-за какого-то воздействия, они потеряли разум и стали убивать друг друга.

– Игорь, твои датчики улавливают запахи? – спросила доктор.

– Нет, – ответил Игорь. – А чем пахнет?

– Смертью, малыш, смертью пахнет, – ответила доктор. – А еще багульником, что на болотах растет. Отец мой ботаником был, правда, любителем, а так вообще химиком работал, часто мне про всякое интересное рассказывал. Например, что некоторые растения содержат большое количество эфирных масел, в большом количестве они опасны для человека, вызывают тошноту, головную боль и даже галлюцинации. Это я к тому, что скафандр не снимай, понял? Чтобы ты не увидел, не снимай, а буду приказывать или капитан будет, не слушай. Понял меня?

– А если воздух кончится?

– На сорок восемь часов должно хватить.

– А этот запах... на вас действует? – спросил Игорь так, будто она уже бросила его здесь одного. Он даже успел разозлиться на неё, как злился на мать, когда та умерла.

– Не знаю, подышим и увидим, – доктора оглядела лежащие у ее ног стебли борщевика и папоротники и присела на корточки, чтобы получше рассмотреть листья растений. – И

ведь всё ещё ни капли аномалии.

– Осторожно, они ядовиты, – сказал Игорь, когда доктор коснулась борщевика. Он беспокоился за неё, а она улыбалась.

Игоря вдруг прошиб холодный пот, когда он сообразил, что до сих пор не вызвал капитана или Белебея. Совсем он что-то, разболтался и страху уступил.

– Тук-тук, – сказал Игорь. – Первая группа, приём, как слышите? Мы на девятом, обнаружили живых, нужна помощь.

Тут двери лифта, из которого Игорь так и не вышел, попытались закрыться, от неожиданности он еле успел подставить руку. Ответа не было, в динамиках царил тишина, двери снова открылись и Игорь сказал:

– Они не отвечают мне, Ирина Сергеевна, а что если...

Доктора не было

Технический люк все так же был закрыт.

– Ирина Сергеевна, – закричал Игорь и огляделся по сторонам.

Лес из борщевика и тишина. Только аварийные лампы над головой гудели и иногда подмигивали. Игорь остался один, стоял, крутит головой и дрожал. Может, ему мерещится? Что если яд из воздуха как-то попал в скафандр и он отравился?

– Чего запаниковал, – раздался голос доктора и Игорь чуть не заорал от ужаса. Она выросла прямо у него за спиной, шагов он не слышал.

– Доктора Джонсона нашла, пойдём, – сказала Ирина Сергеевна. – Зрелище не очень, так что извини.

Вдоль стены оказалась протоптанная тропинка. Они прошли по ней и вышли к дверям в малую лабораторию, на светящейся в темноте схеме этажа маркером был нарисован череп и кости. То, что было внутри мало походило на лабораторию, больше на не ухоженную грядку. По центру, под аркой из вполне земной акации, которая ползла по металлической сетке, стояли столы, на одном из них стояла ванна. Тело лежало внутри и было почти полностью засыпано землёй. Голова профессора лежала на бортике, Кисти рук торчали из земли торчали. Поверх тела в ванне-клумбе лежали тяжелым влажным одеялом мхи. Игорь такие видел, на болотах. Были и другие растения, все они росли бурно и красиво цвели. Из того, что Игорь легко распознал, была голубика и плотоядная росянка. Насыщенный фиолетовый свет падал на клумбу откуда-то сбоку и сверху, Игорь присмотрелся и нашёл провода на полу и на стене. Кто-то выращивал сад из человеческого тела. Игорь порадовался, что не чувствует запахов.

Чтобы точно опознать профессора Джонсона, Игорь должен был подойти и взять образец днк, но ему ужасно не хотелось подходить у этой дышащей, цветущей куче компоста. А еще он видел как что-то двигалось внутри, что-то живое.

Ирина Сергеевна подошла к ванне без страха, хотя в отличие от Игоря, была без скафандра, подошла, склонилась над головой профессора и проверила зрачки.

Игорь хорошо видел в линзах, видел, как зрочки мертвеца, реагируют на свет. А потом мертвая голова профессора открыла рот и сказала:

– Моя девочка уже поела?

Игорь отскочил назад, как ошпаренный. И вовремя.

То, что скрывалось под цветастым, лоскутным одеялом из мхов, зашевелилось и выбросило наружу длинный отросток.

– Ты тоже это слышал? – спросила доктор, с любопытством наблюдая за мертвой головой. На отросток она даже не взглянула. – Ты ведь слышал, что он сказал?

– Д-да, – ответил Игорь. – Какая-то девочка...

Доктор поняла, кого он боится и рассмеялась.

– Это всего лишь Альдра, насекомоядное растение, родственница росянки. Не бойся, не съест.

– Ну да, конечно, – попытался пошутить Игорь. – Оно уже съело профессора, теперь переваривать будет.

– И нет, это снова не аномалия, – покачала головой доктор. – Жаль тебя расстраивать, но тут что-то другое. Думаю, профессор решил принести себя в жертву ради науки и выбрал стать частью экосистемы. Видел какого цвета его кожа? Он давно тут лежит, а мхи потихоньку его обжаривают и употребляют.

– Ты хочешь сказать что он сам это с собой сделал?

– Помнишь, что сказала твоя подружка? Они все готовы были умереть ради этого эксперимента. Профессор выбрал свой способ.

Игорь огляделся, он вспомнил про ядовитые испарения в воздухе и теперь искал источник, тот же багульник хотя бы, но его не было, как не было и других особо опасных растений.

– Запах тут все еще есть? – спросил Игорь. – Тот, что вы почувствовали? Что может быть источником?

Доктор хотела ответить, но голова профессор в её руках, дернулась и он снова заговорил:

– Мы пытались спасти людей, всего лишь хотели... – что-то булькнуло в недрах под толщей компостной ямы. – Оно упало прямо здесь, в этой пустыне, мы думаем, оно долго летело сквозь холодный космос в поисках воды. Как и мы, оно просто хотело жить. Все живое борется за жизнь. А мы его испугались. Как было не испугаться, когда оно проникло в недра нашей планеты, вгрызлось с неё как паразит и стало выкачивать воду.

Игорь подошёл ближе.

– Что вы с ним сделали? Где оно сейчас? – спросил Игорь.

– Оно там, внизу. Теперь оно владеет этой планетой, – звук шёл изо рта, значит что-то помогало связкам в горле вибрировать и профессор все еще потреблял кислород. – Оно изменяло всё, к чему прикасалось, и мы торопились найти способ вытеснить его из почвы. Земля, все что у нас есть, она нас кормит. Мы должны были её защитить и взяли за его днк, искали слабое место.

– Яд, – сказала доктор. – Вы решили отравить почву.

– Мы выбрали растения, которые могли его вытеснить и модифицировали их, превратили в агрессивную форму, в паразита, а потом посадили к нему. Поначалу нам казалось, что у нас получилось и оно отступает, но потом...

Профессор закашлялся и с его рта полилось что-то черное. Доктор успела опустить его голову и отойти.

– Потом оно приспособилось и стало распространяться с ещё большей скоростью...

Отправило почву, а потом и воздух. Отняло у нас репродуктивную функцию, лишив будущего. Мы не должны были...

Черная жидкость потекла из глаз профессора, и Игорь отвернулся. И очень вовремя. Что-то зашипело и с хлопком взорвалось. Игорь видел ошметки на стеклянной стене оранжеи, но повернуться и посмотреть не осмелился. Мимо него к выходу прошла доктор, на неё каким-то чудом не попало ни капли, как и на защитный костюм Игоря.

– Пойдём, растения ждут, им нужен свет и вода.

Рядом с доктором только что взорвалось человеческое тело, но казалось её совершенно ничего не могло вывести из равновесия.

Они вернулись обратно к лифту, и Игорь сверился со схемой. Им нужен был главный зал, но на пути стояли непроходимые заросли борщевика. На фоне папоротников и других растений, они выглядели гигантскими и их похоже со-

вершенно не смущало отсутствие полноценного освещения.

– Запах, – сказала Ирина Сергеевна. – Концентрация вещества очень высокая. И она растёт. Как и температура. Можешь найти ближайший холодильник?

– Должен быть, в основной лаборатории, сейчас, помещение помечено как 759 С, морозильная камера для хранения образцов, – ответил Игорь. – Нам нужен восьмой ярус.

Они вошли в лифт, доктор прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

– Вам плохо? – забеспокоился Игорь.

– Чем ниже, тем больше препятствий, – сказала Ирина Сергеевна. – Оно нам не радо, но пока не нападает.

– Вы же сказали, что нет аномалии?

– А что такое аномалия, Игорь? – спросила доктор. – Например, мутировавшие растения, которые пытаются выжить и меняют среду под себя?

Двери открылись, и они вышли.

– А Крис не может договориться? – спросил на полном серьёзе Игорь, но доктор рассмеялась и покачала головой.

– Он плохо говорит по-русски.

На восьмом ярусе тоже горел лишь аварийный свет, но перемещаться по оранжерее были удобнее, кто-то выложил дорожки, колышками отметил границы залов и воткнул в землю таблички с надписями. Поплутав по зелёному лабиринту, они нашли двери и попали в коридор. Игорь сверился со схемой и с номерами лабораторий на планах эвакуации. Холо-

дильники были внутри блока С и они наткнулись на них, почти сразу. Две огромные, металлические двери. Открыв одну из них, обнаружили мертвеца. Человек замерз насмерть. Он лежал в позе эмбриона, подтянув колени к груди и обхватив голову руками. Одежды на нём не было. Кожа его, несмотря на белые, обмороженные участки, по большей части была очень тёмной и сморщенной. Доктор присела на корточки рядом телом, изучая что-то на черепе.

– Спрятаться в холодильнике, что за безумная идея? И почему здесь так холодно? Термометр показывает минус 25 градусов.

– Он тоже поставил над собой эксперимент, – сказала доктор, поднялась, отошла к ящикам у стены и села. Вокруг нее кружилась белая мгла ледяного воздуха.

– А теперь уходи, – сказала Ирина Сергеевна, и Игорь опешил.

– Что?

– Дальше пойдёшь один, поднимешься, найдёшь капитана и свою команду. Скажешь, что есть живые люди на техническом этаже девятого яруса и что Крис сбежал. Увидишь его, не приближайся, если он успел надышаться, то может быть опасен. Понял? И отслеживай ультразвуковые колебания.

– Я не могу оставить вас здесь!

– Можешь, – доктор подняла на него глаза и Игорь увидел, что белое стекловидное вещество её глаз позеленело. – Если сойду с ума, то убью всех. Пушу на компост. Поверь мне. А

теперь выйди и закрой дверь.

Игорь поверил, вышел и закрыл дверь. Он прикинул сколько доктор продержится при такой температуре и попытался снова вызвать капитана, но эфир молчал. Что-то очень хорошо глушило связь. Игорь дошёл до лифта, когда услышал её голос в голове.

– Не делай глупостей, Игорь, – сказала доктор. – Никакой эксперимент того не стоит. Вы должны забрать людей и уйти отсюда. Слышишь?

Игорь не мог выключить её голос, так как он звучал прямо у него в мозгу, но мог не отвечать. Он вошёл в лифт и посмотрел на светящиеся кнопки с номерами ярусов.

Эксперимент, который по мнению доктора того не стоил, назывался – жизнь на земле. Где-то там, очень глубоко, находилась иная форма жизни, которая методично отнимала у человечества планету и будущее. И все потому, что люди испугались и попытались её уничтожить.

А еще, Игорь был в этом уверен, именно там он найдёт Юлю.

Сомнений не осталось и он нажал на кнопку с номером 14. Кнопка мигнула, но дверь не закрылась. Он нажал еще раз, но ничего не произошло.

И тут Игорь заметил движение. Кто-то шёл к нему сквозь заросли, игнорируя проложенные тропинки, подкрадывался, под прикрытием молочая и опунции. Игорь судорожно нажимал на кнопку закрытия дверей, но лифт не реагировал.

Сердцебиение участилось, в панике, он нажимал все кнопки подряд. Страх отнимал способность мыслить и тратил воздух, который ему нужен, очень нужен.

Игорь перестал нажимать на кнопки, закрыл глаза, сосчитал до трёх, и снова открыл.

Оно стояло напротив лифта.

Игорю не хотелось верить, что перед ним человек, но сканер беспощадно определял земную форму жизни. Волос не было, кожа на лице, плечах, руках и туловище вздувалась десятками почти черных пузырей, внутри колыхалась которых жидкость. Там, где он прошел сквозь заросли, остался белый, ядовитый след, зеленые листья растений сморщились и почернели. Игорь понял, что человек его не видит, когда тот начал водить головой в разные стороны, как животное, которое принохивается.

Единственным оружием Игоря был электрошокер, встроенный манжету костюма, но чтобы его использовать, надо было подойти вплотную. Игорь начал медленно поднимать руку, чтобы активировать заряд и хищник его услышал, зашипел и присел, будто собираясь прыгнуть.

– Свет, – сказал далёкий голос доктора в его голове. – Используй режим прожектора на шлеме!

Сомневаться было некогда и Игорь послушался. Человек прыгнул и врезался в широкий луч света, как в стену, кожа его задымилась, он дико закричал и бросился обратно под защиту зарослей и темноты.

Пока Игорь часто моргал, смахивая капли пота с ресниц, двери закрылись и загорелась кнопка 14 яруса. Лифт ожил и стал опускаться.

Выйти из лифта оказалось сложно. К ногам Игоря словно привязали груз. Каждый шаг давался с трудом. По лицу лился пот, никогда в жизни Игорь так не потел. Он все нажимал и нажимал на кнопку на шлеме, чтобы в лицо бил поток холодного воздуха.

Прошло почти десять минут, прежде чем ему удалось выйти из лифта и осмотреться вокруг. Сканер послушно проанализировал данные и выдал список. Игорь прошёлся глазами по причудливым названиям. Юля постоянно сыпала латинскими именами и это его сильно раздражало, потому что сам он никак не мог их запомнить. Сканер уверял, что Игоря окружали сплошь земные виды. Обычная оранжерея самого обычного, земного ботанического сада. Ни одно из этих растений не убьёт его. И не съест. В них нет совершенно ничего аномального, ну может чуть гены не те, потому как ученые не смогли сдержаться и понаделали гибридов. Совершенства ведь много не бывает, а нам еще в космос лететь. И эти виды с собой везти, а для этого их надо сохранить. Вырастить в чистой среде, которую люди еще не успели испоганить. Игорь еще раз огляделся. То, что он видел, было хранилищем судного дня, заначка на будущее. Вот почему Юля и другие ученые готовы были умереть, только бы

не допустить сюда внешнюю, аномальную среду.

Они знали, что беженец с другой планеты, сам по себе не причинял вреда земной экосистеме, он просто хотел выжить. А аномалию создали люди, когда попытались его убить.

Вот о чем говорил профессор Джонсон, решил исповедоваться перед смертью.

Знание, что планету уничтожили учёные, похоже все это время сводило профессора с ума.

Предположим, он прав, и что ему теперь со всем этим делать?

Найти Юлю, она точно знает, что здесь случилось и можно ли это исправить.

Каждый шаг все еще давался с трудом, а еще Игорю казалось, что растения подкрадываются к нему. Все ближе и ближе, будто каждый шаг масштабировал изображение на экране.

А потом он увидел её.

Девушка шла ему навстречу, и растения расступились перед ней.

На долю секунды Игорь обрадовался, мозг принял незнакомку за Юлю, а когда увидел, что ошибся, то тяжесть этого места стала давить еще сильнее.

Девушка подошла и взяла его за руку. Он не мог ощущать тепло её тела через перчатку скафандра, но знал, что температура очень высокая, об этом ему говорили датчики. Но Игорь больше не верил своим глазам, он не сомневался, что

отравлен и у него галлюцинации.

Где-то высоко, светился потолок похожий на звездное небо, сканер распознавал анаэробные бактерии, с потолка шёл дождь, крупные капли падали на лицевой щиток шлема. Настоящая или нет, но девушка повела его за собой.

Они шли сквозь густые заросли джунглей, пробирались между огромными корнями мангровых деревьев, мимо цветных пористых сфагновых мхов, древних папоротников, алое и кактусов, цветущих олеандров, чем дальше они шли, тем больше под ногами становилось воды. В темной глубине отражался сияющих свет бактерий с потолка.

И тут он увидел Юлю, она лежала на огромном листе кувшинки, цветок опутал её длинными стеблями и Игорь видел только бледное лицо. Он не мог понять жива она или нет, он рванулся к ней и только тогда заметил, что стоит по пояс в воде. Стебли цветка хватали его за ноги и он не был уверен, что сможет добраться до Юли и не утонуть. Игорь оглянулся, незнакомка стояла на берегу и смотрела на него. Больше он не оглядывался, он шёл и шёл вперёд, пока не ухватился за край огромного, трехметрового листа. Игорь включил прожектор на шлеме, и стебли дрогнули. Он схватился на них и попытался разорвать, но хищник крепко держал свою добычу.

И тут в динамике раздались щелчки, Игорь услышал их раньше, чем увидел изгибающуюся кривую показаний датчика. Листья кувшинки обмякли, стебли распустили удуш-

ющие кольца. Игорь подхватил Юлю на руки, поднял, так высоко, как смог, а сам с головой ушёл под воду. В свете прожектора он видел только мутную, тяжелую воду и переплетение стеблей кувшинки. В обычных условиях они могли достигать восьми метров в длину, хватило бы, чтобы обмотать их обоих и утащить на дно.

Игорь старался не думать об этом, а просто идти вперёд, руки вот-вот грозились отвалиться, мышцы горели, но он держал Юлю над поверхностью воды.

Шёл медленно. Как в космосе. Над головой смыкалась черная вода, в которой светилась жизнь. Фотогенные бактерии облепили щиток шлема.

Что-то яркое и подвижное то и дело мелькало перед глазами.

Выйти из воды оказалось тяжелее всего, что он когда-либо делал. Вода не желала его отпускать, ноги вязли в илистом дне. Жизнь в тёмной глубине хотела присвоить их тела себе. Разобрать и собрать снова, придать им другую форму. Иную форму.

Игорь положил Юлю на влажный, но плотный мох, зацепился за корни и вытащил себя. Лёг плашмя, как его учили, будто он на хрупком льду и подтянулся на руках. Найдя опору, поднялся на ноги. Его шатало. Казалось, что заканчивается воздух. Он попытался наклониться и поднять Юлю, но сил не хватило, он уронил её, оступился и упал. С минуту он матерился, орал и звал на помощь, потом успокоился и

прислушался.

Динамик молчал, кривая акустического датчика лежала на нуле.

И тут Юля впервые застонала, подавая признаки жизни, отчего Игорь неожиданно ощутил прилив сил и встал. Резко, как удар по голове, ожили динамики, и мешанина голосов ворвалась в эфир.

– Давыдов, твою мать! Отвечай! Только попробуй мне сдохнуть, засранец!

– Мальчик ты где? Скидываю наши координаты!

– Первый, первый у меня есть пульс, живой!

– Игорь, – сказал голос доктор в голове, погасив все остальные звуки. – Ты видишь её? Ты видишь Крис? Иди за ней, она тебя выведет.

Объяснять кто такая она не требовалось. Незнакомка стояла чуть поодаль, среди корней мангровых деревьев и ждала. Игорь наклонился, поднял Юлю и вскинул на плечо. Перед глазами все расплывалось, линзы жгли сетчатку, по лицу ручьями тёк пот

Жизнь стояла вокруг зелёной, непроходимой стеной и он должен был пройти сквозь неё.

Незнакомка махнула ему рукой и пошла вперёд, он выдохнул и пошёл следом.

Ему казалось что прошло часа три, но на таймере пробежало всего-то двадцать пять минут. Он посмотрел под ноги и увидел настил. Оглянулся, теперь Крис был позади, среди

деревьев, значит, дальше он пойдет без неё. Больше он не оглядывался. Тропа вывела его к лифту, он опустил Юлю на пол и нажал на кнопку. Лифт до сих работал, двери открылись и внутри загорелся свет. Игорь затащил Юлю в лифт и упал. Наверное он нажал кнопку до того, как отключился. После он никак не мог вспомнить этот момент.

Он очнулся в стерильном медицинском боксе. Первое, что причинило ему боль, был свет. Потом он понял, что с него сняли скафандр и запаниковал.

– Тихо, малыш, тихо, – сказала доктор Ирина Сергеевна Савчук и улыбнулась ему. Тяжелое пальто она сняла, как и толстовку. На ней была синяя футболка, поверх, на груди висели два металлических прямоугольника с буквами. Игорь не мог прочесть, что на них написано, ведь его линзы кто-то вытащил.

– Ты перегрелся немного, пришлось остужать, – сказала доктор.

– Сколько?

– Все в порядке, малыш, мы разгадали загадку, время больше не имеет значения.

– Где Юля?

– В соседнем боксе, она в тяжёлом состоянии, но жить будет. Лучше поговорим, о том, что случилось, там, на Четырнадцатом.

– Вы же знаете, – ответил Игорь, доктор сощурилась и по-

смотрела на него. Он заморгал и сфокусировался, текст на прямоугольниках стал отчетливо виден.

– Я знаю лишь то, что приказала тебе подниматься наверх.

– Вы знаете что там случилось! – заорал Игорь и попытался встать, но ремни держали его за ноги и за руки. – Выпустите меня отсюда!

Вошел капитан Кардышев.

– Как наш юнга? – спросил он.

– перевозбужден, но ничего страшного, не успел особо надышаться, так что скоро все будет в норме. Система охлаждения дерьмовая у вашей контрабанды. Да еще вентиляция, не берите больше. Берите наши, старые, но проверенные временем.

– Ага вы хоть раз их на себя наденьте, тогда и поговорим. К нему Олежек просится, можно?

– Конечно, он же не заразный, – ответила доктор.

Белебей сиял как начищенный самовар. Бегал по кругу, рассказывал какие тут чудеса видел, но Игорь почти не слушал. Это все было театром, он отвлекал его.

– Эй, напарник, – разозлился Игорь. – Может хватит? Рассказывай, давай, что случилось. Почему меня привязали?

Олег Валерьевич вдруг стал враз серьёзен, потер шею под мембраной, потом лоб. Шлем он снял и дышал местным воздухом.

– Система подачи кислорода сломалась и ты того, чуть-чуть чокнулся. Подружку свою всё рвался спасать. Глюки ви-

дать пошли. Когда Ирина Сергеевна приказала подняться наверх, ты приказ проигнорировал и запер её в холодильник, выключил связь и ушёл в самоволку.

– Да ты...

Игорь дернулся, без сил упал головой на подушку и закрыл глаза.

Спорить было бесполезно.

– Но ведь я её все таки спас?

– Угу, – ответил Белебей. – И очень хотелось бы послушать как.

– Спустился на четырнадцатый ярус, нашёл и спас.

– Малыш, – Белебей перенял манеру Ирины Сергеевны называть его малышом и Игорь бесился. – Четыре нижних яруса полностью затоплены, так что... Никому эту историю не рассказывай, если не хочешь в психушку попасть.

Игорь так опешил, что дар речи потерял.

И это не считая того, что у него зрение теперь как у орла. Стоило чуть сфокусироваться и он видел самые мельчайшие пылинки на горловине Белебеевского комбеза.

– А профессор, – вдруг вспомнил Игорь. – Вы его нашли? Ну то, что от него осталось.

Напарник поморщился.

– Нашли мы его, родимого, этот говнюк заразил восемь ярусов! Представляешь, вывел твою дивизию, модифицированный вид Борщевика, и решил его, как это сказать правильно, ассимилировать? Божественная самонадеянность!

– Борщевик...

– Да, малыш, борщевик, тот самый. Вот я не зря всегда считал, что человеку на роль бога посягать ни-ни! Полез этот профессор со своими благими намерениями в чужой геном и облажался. Создал монстра! Бедные его коллеги, еле успели их спасти, ты бы их видел! Выглядят как вампиры средней полосы, солнца бояться и света! Прятались все время в техническом, боялись высунуться. Озверели! Док говорит у них поражена большая часть кожи и лёгкие, если на свет выйдут в ту же кашу превратятся, что и Саманта Керриган. Жуть, что этот умник сотворил!

– А Юля? – похолодев, спросил Игорь.

Белебей махнул рукой куда-то себе за спину.

– Юля твоя прекрасна, как спящая красавица. Она видимо бросилась спасать нижние оранжереи и застряла там, когда вода пошла. Уж не знаю, как она выжила, повезло ей.

– А что с экспериментом?

– Да не переживай ты так! Специальная группа уже в пути, насосы везут, воду откачают и будет всё как раньше. Вот уж от благодарности отбоя не будет, когда твоя спящая красавица очнется и поймет что ты детище всей её жизни спас! Мы ей так и скажем, Игорь твой – герой!

Игорь усмехнулся, никогда она так не скажет, он то точно знал, хвалить Макарова категорически не умела. Да и благодарности от нее, как снега на экваторе ждать.

Да он и не собирался. Не для этого он туда шёл.

– А для чего? – спросил гаденький внутренний голос. – Не приbedняйся, Давыдов, ты героем стать хотел! Всегда хотел, ты потому так на ту сторону и стремился!

Игорь закрыл глаза и увидел лицо девушки. Теперь он знал, что её зовут Кристина, друзья звали её просто Крис и было 32 года, как ему сейчас. Игорь знал это, хотя не мог. Как не мог знать, что Ирина Сергеевна Савчук и её нерождённый ребенок погибли, попав в аномалию и случилось это двенадцать лет назад.

6

В город их привёз австрал, на том самой вертушке, которую наконец доделал. Игорь, переполненный каким-то странным чувством, обнял его и извинился. Остин не понял, глаза были круглые, а Белебей смеялся и хлопал обоих по спине.

Ирина Сергеевна и Малыш испарились куда-то еще до прилёта первой, спасательной вертушки, которая забрала Юлю и остальных в центр эпидемиологии. Игорь долго ходил, искал, очень хотел поговорить. Пока летели домой, все спрашивал, а были ли они? Точно были? Может и они ему привиделись?

Кардышев улыбался, Эрлиц жевала сэндвич.

С Кардышевым и Эрлиц по традиции не прощались, ещё сто раз увидятся.

К зрению пришлось привыкать. Он все смотрел на мир, а мир на него и что-то им друг в друге не нравилось. Игорь шурился и отмахивался, но зря.

А три недели спустя все встало на свои места.

Он поехал навестить Юлю в больницу, Варгас ему пропуск выбил на территорию закрытого центра биозащиты. Он пришёл к ней, с лимонами от Екатерины Семеновны, а она его не узнала. Поулыбалась, как чужому, и продолжила рисовать что-то в блокноте. Игорь взглянул на рисунки.

Юля рисовала растения, невероятные растения, которых он точно никогда не видел.

Он не считал себя экспертом в ботанике, потому навёл телефон и сфоткал.

Пока программа искала совпадения, Игорь поговорил с врачом на отделении.

Большой, усатый дядька в белом халате был немногословен и торопился. Сказал, что виной всему гипоксия и переохлаждение, что до сих пор изучают её организм, но никаких аномалий не нашли. Книги по ботанике она не просила, вообще ничего не просила. Рисует целыми днями, на процедуры когда забирают, кричать начинает. Сестра приезжала, собирается забрать её домой на следующей недели.

Как и думал Игорь, совпадений программа не нашла.

Игорь вернулся домой, поужинал консервированным томатным супом из банки, потом сел и составил письмо. Как положено по инструкции перечислил все свои навыки и достижения, и попросился в группу на выход. Надо было видеть лицо Варгаса, когда он об этом узнал. А вот Белебей не удивился, пожал руку, по спине похлопал, и сказал, что тоже попросился, еще до того, как на станцию отправились. Что-то у него нашли такое, непоправимое, тогда-то он и решил.

И вот она, финишная прямая, дорожка из жёлтого биополимерного волокна. Раздавать было особо нечего. Не нажил. Остин, перебираясь в его квартиру, обещал сберечь книги, рисунки и письмо, на случай если Юля вдруг вспомнит о

нём.

Рюкзак на плечах был не тяжелее скафандра в котором он по дну тех затопленных этажей шёл. А еще Кристина ему до сих пор улыбалась. Знала ведь, что он за ней пойдёт. Пойдёт обязательно, от Ирины Сергеевны привет передать не забудет.

— *И снова здравствуйте! Мы здесь, вместе с вами на 00 ФМ и это «Письма из Апокалипсиса»*